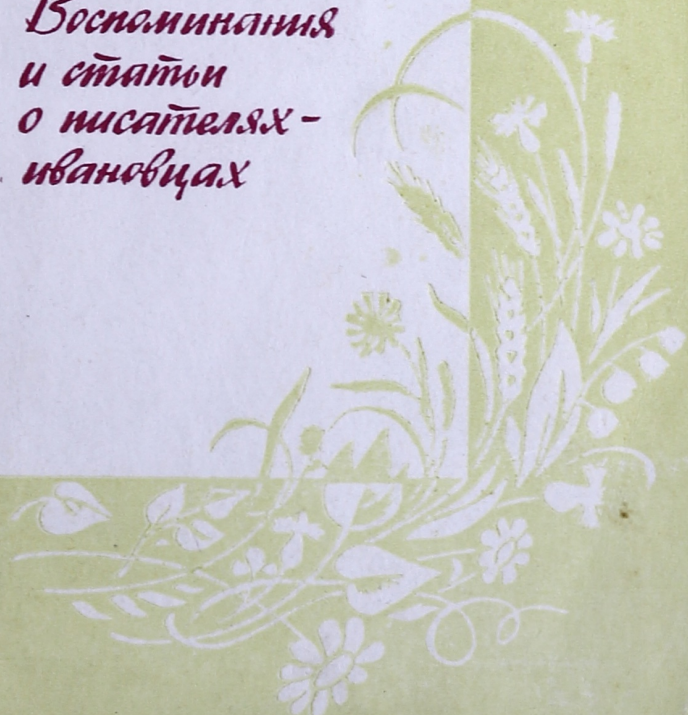

20.434w 7

Тропинки памяти

Воспоминания
и статьи
о писателях -
ивановцах

ся в 20-е — начале 30-х годов, также сделали немало для выявления творческих сил писателей-ивановцев¹. Издательство «Основа» в 1923 году выпускало общественно-литературный журнал «Ткач» (вышло 4 номера). Преемником его стал журнал «Красный ткач» (1923—1925), издававшийся газетой «Рабочий край». В 1926—1928 годах выходило ежемесячное литературное приложение под названием «К „Рабочему краю“» (одно время редактировавшееся М. З. Мануильским и А. Е. Ноздриным), в котором печатались стихи, рассказы, очерки, критические статьи, литературная информация и впервые был опубликован роман Н. Колоколова «Мед и кровь», получивший высокую оценку Горького. В 1929 году вышел альманах «Рабочий край». В 1930 году издавался сборник «Атака» — орган ИВАПП (вышло 3 номера).

Творчество молодых писателей обсуждалось в литературных объединениях «Атака» и «Встреча». На рубеже 20—30-х годов отряд писателей-ивановцев пополнился новыми поэтами и прозаиками: Николай Часов, Аркадий Васильев, Виктор Полторацкий, Дмитрий Прокофьев, Александр Киселев, Николай Орлов, Василий Смирнов, Александр Алешин.

Последние двое были не местные. В. Смирнов приехал в 1930 году из Ярославля и к тому времени еще не успел написать значительных произведений. Через пять лет он вернулся в Ярославль, а затем переехал в Москву, где одно время был секретарем Союза писателей СССР. В историю литературы он вошел трилогией «Открытие мира». А. Алешин был переведен в Иваново из Костромы, как активный деятель пролетарского литературного движения, и возглавил ИВАПП. Им были написаны рассказ «Гусар», одобренный А. Серафимовичем, и несколько книжек прозы, вышедших в Костроме и Москве; наиболее значительная — «Квартира номер последний» (1929).

Такова вкратце предыстория Ивановской писательской организации как творческого союза.

В 1933 году был создан Оргкомитет Союза советских писателей обширной в то время Ивановской промышленной области (ИПО) — в нее до 1937 года входили теперешние Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская области. Возглавлял оргкомитет А. Алешин.

Первая областная конференция Союза советских писателей состоялась в Иваново 7—8 августа 1934 года — накануне Первого съезда писателей СССР. К этому времени Оргкомитетом Союза

¹ Кстати, по данным известного библиографа И. В. Владиславлева, по количеству издательской продукции Иваново-Вознесенск в начале 20-х годов занимал 3-е место в РСФСР (вслед за Москвой и Петроградом) и 4-е место в СССР (уступая еще Харькову).

писателей СССР было принято в Союз из числа ивановских литераторов 6 членов (Александр Алешин, Александр Благов, Константин Завьялов, Авенир Ноздрин, Дмитрий Семёновский, Михаил Шошин) и 6 кандидатов (Александр Князев, Владимир Немцевич, Виктор Полторацкий, Дмитрий Прокофьев, Василий Смирнов, Николай Часов).

На конференции после обсуждения докладов «О советской литературе», «Отчет о работе ССП ИПО» и «О работе профсоюзов с молодыми писателями и литкружками в области» было организационно оформлено отделение Союза: председателем избрали А. Алешина (руководил до 1937 года), секретарем В. Смирнова; в ревизионную комиссию — К. Завьялова, Д. Семёновского, А. Князева. Были избраны также делегаты на съезд писателей: А. Алешин, А. Благов, Д. Семёновский, М. Шошин, А. Князев (последний — с совещательным голосом).

Печатным органом Союза писателей ИПО стал журнал «Звено», выходящий в 1933—1935 годах (первоначально — как орган Оргкомитета Союза писателей ИПО). Тогда же издавался в Иванове журнал «Рабочий край», позднее — журнал «Пламя» (1936—1937), «Ивановский альманах» (1936—1955; первые два номера под названиями «Порыв» и «Коллектив») и различные сборники, включавшие произведения местных литераторов.

Отделение Союза писателей проявило немалую заботу об идейно-художественном росте его членов, о воспитании молодых литераторов. Проводились курсы и совещания-семинары, на которых выявлялись творчески одаренные люди. Много ощутимых результатов дало литературное наставничество старших, обладающих большим литературным опытом писателей (А. Благов, М. Бритов, Д. Семёновский, М. Шошин), о чем с благодарностью вспоминают на страницах этого сборника Н. Грачев, В. Сердюк и другие авторы.

Из совещаний-семинаров, организованных в 30-е годы, должны быть отмечены два — 1935 и 1939 годов. В первом случае на совещание был приглашен крупный литературовед (впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР) Л. И. Тимофеев, который прочел лекции о художественном образе, языке литературного произведения и о композиции. Тогда же эти лекции в виде статей были напечатаны в журнале «Звено». В 1939 году руководивший писательской организацией В. Полторацкий пригласил для участия в семинаре московских писателей А. Караваеву, М. Колосова, П. Слетова и Н. Сидоренко. Они вместе с ивановскими писателями обстоятельно разбирали творчество молодых. Четыре автора — участника этого совещания-семинара — стали затем, через ряд лет, членами Союза писателей (Михаил Дудин, Владимир Жуков, Петр Суреев, Павел Куприяновский). С Ива-

новской писательской организацией в 30-е годы в определенной мере было связано творческое становление таких замечательных поэтов, павших в Великую Отечественную войну, как Алексей Лебедев и Николай Майоров.

После Великой Отечественной войны отделение Союза писателей пополнилось новыми членами, особенно заметную роль стали играть те, за плечами которых был опыт войны: Василий Великанов, Владимир Жуков, Петр Суреев, Владимир Догадаев, Николай Грачев, Николай Силков и др.

Горьковские традиции внимательного, бережного отношения к литературным дарованиям, индивидуального шефства над ними всегда были характерны для Ивановской писательской организации. Сейчас в ее составе насчитывается 18 членов Союза писателей (институт кандидатов был упразднен в начале 50-х годов; большинство их были переведены в свое время в члены Союза).

С момента оформления Ивановского отделения Союза советских писателей во главе его стояли такие писатели, как А. Алешин, А. Князев, В. Полторацкий, Д. Прокофьев, А. Благов, М. Кочнев, М. Шошин, В. Жуков.

В настоящее время ответственным секретарем Ивановской писательской организации является В. Сердюк.

История Ивановской писательской организации пока еще не написана, хотя, как и всякая история, она была бы во многом поучительна и интересна. Она, очевидно, позволила бы выявить и подтвердить некоторые общие тенденции и закономерности в развитии советской литературы и в то же время оттенить своеобразие, присущее литературному процессу в текстильном крае.

За 70 лет после Октября сменилось несколько поколений писателей. В развитие советской литературы внесли свой вклад и литераторы-ивановцы. Имена Дмитрия Фурманова, Дмитрия Семёновского, Александра Благова, лауреата Государственной премии СССР Виктора Полторацкого, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Михаила Дудина, лауреата Государственной премии РСФСР Владимира Жукова, таких поэтов, как Алексей Лебедев и Николай Майоров, таких прозаиков, как Михаил Кочнев, Аркадий Васильев, Владимир Конюшев, хорошо известны всеоюзному читателю.

История литературы — это прежде всего ее творцы, сами писатели, их произведения. Однако предлагаемый читателю сборник не претендует на историко-литературный анализ произведений и творчества отдельных писателей-ивановцев. Тем более он не претендует на анализ литературного процесса. Он задуман как сборник воспоминаний и статей об ушедших из жизни литераторах, наших предшественниках и товарищах, чтобы таким образом отдать им долг памяти и в то же время воскресить отдельные

картины литературной жизни в крае и живые черты тех, кто был ее активным участником.

При этом авторы воспоминаний и статей, ограниченные определенными рамками, не могли ставить целью «рассказать все» о том или ином писателе, дать целостный портрет. Не обо всех писателях, связанных на том или ином этапе с писательской организацией, статьи и воспоминания имеются (А. Алешин, К. Завьялов, Н. Колоколов, Вас. Смирнов, Н. Лобко, В. Волков, Н. Гришин и др.). Но и при этом условии, нам кажется, сборник может быть интересен и полезен как материал для чтения и как материал для будущей истории литературы Ивановского края.

Сборник открывается статьями и воспоминаниями зачинателей советской литературы в области. О начальных ее шагах в период гражданской войны, о своих товарищах и о себе рассказывают М. Артамонов, А. Баркова, А. Воронский, И. Жижин, С. Селянин, Д. Семёновский.

Далее идут воспоминания и статьи о старшем поколении писателей-ивановцев, чей творческий путь начался еще до Октября: о Д. Фурманове, А. Ноздрине, А. Воронском, А. Благове, Д. Семёновском, М. Артамонове, А. Барковой, И. Жижине, Н. Смирнове. О Д. Фурманове имеются многочисленные исследовательские работы и воспоминания, часть последних вошла в книгу «Фурманов в воспоминаниях современников» (М.: Сов. писатель, 1959). Для более полного знакомства с мемуарами об авторе «Чапаева» мы отсылаем читателей к этому изданию, а в настоящем сборнике печатаем лишь воспоминания, имеющие отношение к ивановской странице его жизни и деятельности. Заметим, что Фурманов был тесно связан с иваново-вознесенской печатью: его статьи, стихи, очерки, рецензии, воспоминания печатались в газетах «Рабочий город», «Рабочий край», в сборнике «Зеленый шум» (1917), альманахе «Начало» (1921) и других изданиях. В журнале «Ткач» (1923, № 1) была опубликована повесть «Красный десант». Фурманов следил за творчеством писателей-земляков, был знаком с Д. Семёновским, Е. Вихревым, А. Ноздриным, Д. Беловым и др.

Особый раздел посвящен тем, кто вошел в литературу в 20—30-е годы и в годы Великой Отечественной войны (Е. Вихрев, С. Огурцов, М. Шошин, А. Васильев, В. Полторацкий, А. Лебедев, Н. Майоров).

Завершается сборник статьями и воспоминаниями о писателях, чья творческая жизнь протекала в основном в послевоенный период (М. Кочнев, И. Ганабин, Р. Конюшев, Н. Говорков, В. Мелентьев, И. Ханаев, В. Великанов).

*П. КУПРИЯНОВСКИЙ,
доктор филологических наук*

растило и сделало человечество, и вместе с тем вывод только один: драться, драться и драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю «прощай», светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы...»

Пройдет война,
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым,
Синея, будет плыть.
Поговорим о том, что всех дороже:
О Родине, о славе, о любви.
Как прежде, ночь
Приникнет к переплету,
А за бортом заплещется вода.
Поговорим о Родине, о флоте,
О годах битвы, мужества, труда...

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

НАВСЕГДА ОСТАВШИЙСЯ МОЛОДЫМ

Двадцать лет тому назад, зимою 1940/41 года, в Литературном институте имени Максима Горького работал поэтический семинар, объединявший студентов одаренных и самобытных, истово рвавшихся к поэтическому творчеству. Будущее показало, что многие из них действительно стали поэтами. В семинаре господствовала атмосфера горячая и чистая — уважение друг к другу, хозяйская забота о судьбах нашей поэзии.

Сейчас я плохо помню, как выглядел внешне, в какой пиджак был одет студент-историк Николай Майоров, читавший свои стихи глуховатым, низким голосом. Был он, кажется, выше среднего роста, с лицом серьезным и сосредоточенным, был немногословен и чуть неуклюж. В стихах его звучала воспитанная самой жизнью, а не вычитанная в книгах, обязательных для студента-историка, любовь к истории родной земли.

Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был резко очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу. Его лирика, повествующая об искренней мужской любви, органична в этом поэтическом мире.

Осенью 1941 года, как и многие другие его сверстники-студенты, Николай Майоров пошел добровольцем в армию и пал смертью храбрых.

...И вот сейчас... передо мною лежат стихи Николая Майорова, написанные еще в студенческие годы. В них легко узнать автора, круг его излюбленных образов, с тою только разницей, поистине огромной разницей, что история для Майорова перестала быть рассказом о прошлом. Она превратилась в его собственную военную судьбу, сделалась историей, творимой рядом с ним такими же, как он, а отчасти и им самим. Он увидел как бы со стороны самого себя и поколение, к которому принадлежал, увидел исторически. В этом интерес и своеобразие этих надежно построенных, оправданных военным подвигом строк и строф.

Стихи Николая Майорова уже не постареют, точно так же, как не постареет их автор, погибший в молодости и навсегда оставшийся молодым.

В. ЖУКОВ

«МЫ БЫЛИ ВЫСОКИ, РУСОВОЛОСЫ...»

Весть о гибели Николая Майорова меня настигла под Валдаем, в болотах Северо-Западного фронта. При всей обычности смерти на войне в *эту* я не поверил. «Мало ли что говорят вгорячах из любви да горя? — думалось мне. — Разве тебя самого не отпели еще на финской вот такой же открыткой!..» Но из тыла, из родного Иванова, да и с полевой почты на полевую нет-нет да и долетали подтверждения: «Погиб Николай...» — сообщали под Киев; «Погиб Майоров, замполит пулеметной роты...» — уточнял «треугольничек», долетевший до Карпат.

А теперь вот прошли годы. У сверстников Н. Майорова, которым повезло на войне больше, вышли в свет собрания сочинений. Потенциально самим талантом Майоров был приговорен к не меньшей судьбе! Но война внесла трагические коррективы.

И вот мне порой думается: не поведай я Майорову о пулеметчиках, когда вернулся с финской, он бы выжил в годы Отечественной. Нет, в тылу он бы не усидел: не тот характер! Но в пулеметчики мог бы и не угодить.

Конечно, погибали и газетчики. Да не пачками. Во всяком случае, куда реже, чем чернорабочие войны. Прошли же и через огонь и через медные трубы и М. Луконин, и С. Наровчатов, и многие другие, позднее ставшие летописцами великой войны. В то суровое время они, как и Н. Майоров, еще только-только начинались как поэты. И к Союзу писателей формально не имели прямого отношения. Но их вовремя подстраховали. Да так, что они с войны могли

иногда выбираться даже в столицу, напомнить о себе в журналах и издательствах. И это наше счастье! Потому что на наших книжных полках сейчас могло и не быть их трехтомников. Спасибо всем, кто разглядел их талант и поддерживал, покуда не встали орлы на крутое крыло.

Из госпиталя я вернулся с финской августовским утром сорокового. Едва повидавшись с отцом-матерью, вновь натянул сапоги. Проверили, не опрокинулись ли в дороге 300 гр. наркомовских, обновил перевязь под правую руку и подался на 1-ю Авиационную. К Коле!

Мы не виделись целый год. Нам было о чем поговорить. А самая кратчайшая дорога от Рылихи до Авиационных — через Куражовские ряды, Московскую улицу, давно вошедшую в майоровские стихи; дальше — мостками через овражек — и «вот они, знакомые места». Стучу в калитку. А за палисадом вовсю чадит укроп.

— А ты заходи, заходи... — долетает с задов голос Феодоры Федоровны, Колиной матери.

А вот и она сама! Уже похлопотала и насчет огурчиков и всего прочего — прямо с грядки.

— Поджидает он тебя. Сейчас и Титов, и Никола ваш Шеберстов появятся. А как же?! Сашка-то в магазин послан... А я вот руки смою...

Давным-давно нет уже ни Феодоры Федоровны, ни Петра Максимовича — милых, душевных людей, от рожденья наделенных живым умом, ласковостью и тактом. До самой своей смерти поджидали они с войны сыновей — Ивана да Николая. Не расставались с домом, хотя он стал со временем и великоват, и обременителен. Но подсказало однажды сердце и отцу и матери: вышел срок ожидания... И теперь живут в том доме сторонние люди.

Но тогда было все так, как было. И в дверь, видимо еще с утра по теплой погоде откинутую на всю пята к тесовой переборке, я прошел в переднюю, а потом и в сам «перед», где на простенке постукивали ходики, а на подоконниках пылала герань.

— Есть ли кто живой?

— Еще бы! — и, отбрасывая в стороны ситцевые шторы, пригибаясь, просунулся из кухни и занял собою чуть не всю комнату Майоров. И синие глаза его светились радостью, и трикотажка его синяя забавно обтягивала отнюдь не атлетическую его сутуловатость. Рослый и угловатый, он почти касался шевелюрой потолочной балки.

Так вот мы и встретились. Похлопали друг друга по плечу, присели на изрядно побитый диванчик да и проговорили до полуночи...

И о том, страшно ли на войне. И что чувствуешь за пулеметом,

ведя прицельный огонь?.. И не мерзнет ли вода в кожанке?.. И не загремит ли опять?.. И что я теперь намерен делать, поскольку правая рука едва ли разрабатывается?.. И как здорово проявился Дудин: и книгу выпустил, и в толстых журналах публикуется. И что он, Майоров, из семинара Сельвинского перешел по Литинституту к Антокольскому... Почему?.. Да потому, что Антокольский ближе к традициям. А Сельвинский упирает на форму, перенапрягает мышцы. Главное же в поэзии — все-таки содержание. А форма тогда идеальна, когда она не лезет в глаза, а как бы растворяется в содержании. Как у Пушкина, у Есенина, Твардовского. Удивительна она своей естественностью у Луговского в «Песне о ветре»... Явно талантлив Михаил Кульчицкий! Другие есть хорошие ребята. Наровчатов, например. Но с избытком книжен... Однако энциклопедичность еще никому не вредила. А из семинара Сельвинского ушел после того, когда он записал на доске два слова под рифмы и время засек, чтоб мы сложили по сонету... Это же тренаж для мальчиков!

А после паузы добавил:

— И все-таки, если не обойдется, а загремит — не миновать и мне пулеметной роты...

А когда подошли Константин Титов, учившийся в ту пору на литфаке пединститута (теперь артист русской драмы в Риге, заслуженный артист Латвийской ССР), и Николай Шеберстов — великолепеннейший художник-иллюстратор (ныне уже покойный), разговор о войне, о стихах, вообще о жизни сам по себе умолк. Потому что Николай вдруг стукнул по столешнице ложечкой, что было условным знаком перехода к стихам, и прочел стихотворение, а потом — самое новое, из тех, что сложились сегодняшним утром. И читал долго. Самозабвенно и непередаваемо.

Но магнитофонов тогда не было.

Написать о Коле Майорове — значит поверить в то, что свершилось, и навсегда проститься с ним.

А я и сейчас вижу, как, постепенно скрываясь в полумраке, затихает наш школьный зал. Не знаю почему, но так делали всегда — выключали «лишний свет», когда начинался литературный вечер. Может, чтоб меньше стеснялись наши поэты. Страшно было выходить перед товарищами со своими стихами. И это понимала наша добрая учительница русского языка и литературы Вера Михайловна Медведева, всю свою любовь отдавшая школе и нам. Это ее заботами и стараниями долгие годы в нашей школе выходила лучшая в городе литературная стенгазета, плодотворно работал творческий кружок.

Не сразу воцарялась тишина, не вдруг кончалась «торговля»: никто из школьных поэтов не хотел выходить к рампе первым. И ве-

чер приходилось вновь открывать Коле Майорову. Застенчивый, по-хорошему степенный, становился он в дверном проеме из класса в зал и, опустив глаза, глуховатым голосом называл стихотворение. А потом второе и третье! Среди школьников, пробующих свои силы в поэтическом слове, он всегда пользовался всеобщим уважением: в его поэтическом хозяйстве было уже свыше десятка тетрадей стихов. Тетрадки эти, с любовью оформленные, в красочных обложках, целы и ныне, а тогда они ходили по рукам из класса в класс. Их читали и перечитывали. Обложки к ним делал Колин одноклассник и друг Николай Шеберстов, нередко и сам заявлявший о себе как поэт.

Уже в ту пору стихи Николая Майорова были не похожи на все то, что читалось на вечерах, публиковалось в стенной печати. Ни в разговорах, ни тем более в стихах — и в своих и в чужих — он не переносил общих слов. Строки его всегда были философичны при всей их материальности и вещности.

Природный ум, дружба с книгой заметно выделяли его среди сверстников. На учебные дела, которые, кстати сказать, шли отличным образом, на жизнь он смотрел по-взрослому серьезно. Это и притягивало к нему многих, скрепляло крепкой и бескорыстной дружбой.

Писал он взахлеб. И все-таки поэтом себя не считал, поскольку был убежден самой классикой, что профессиональным писателем может быть только по-настоящему одаренный природой человек, такого ряда, к какому себя не причислял. А ведь он и тогда был уже *поэт!*

И когда настало время выбирать вуз, подал документы на исторический факультет Московского университета. К истории он относился благоговейно, поскольку в ней нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

Будучи в Москве, он не порывал со школой. В стенной «Литгазете» вновь появлялись его стихи, только уж не от руки написанные, а в газетных вырезках. Из университетской многотиражки, литотдел которой возглавлял в те дни «замечательный русский парень» Виктор Болховитинов (теперь уже покойный).

Это «Часы», «В Михайловском», «Быль военная», написанные еще до поступления в университет, летом 1937 года. Они вошли в сборники Н. Майорова «Мы были высоки, русоволосы» (Ярославль, 1969) и «Мы» (М., 1972).

Конечно, как сказал бы литературный критик, стихи эти где-то, в чем-то залитературены. Идут от прочитанного. Ну и что? Истинный поэт всегда, пусть подсознательно, понимает, едва-едва взявшись за перо, что источник поэзии есть и все то, что в ней уже сделано, плюс — живая жизнь. Но за плечами-то у поэта было еще всего только детство! Стихи написаны почти мальчиком. Но про-

читайте хотя бы последнюю строфу «Были военной». Вот еще когда для самого себя были поставлены ориентиры:

Этой славы, этой песни
Никому не отдадим!

Кто-кто, а Майоров и в самой-самой юности уже осознавал, что баррикада имеет только две стороны. Знал, по какую сторону его место, его индивидуальный окопчик либо ротная траншея.

Как свидетельствует теперь уже сама история, у поэтов фронтовой плеяды слово никогда не расходилось с их деянием. Они сами выхлестывали из сердца свои поэтические лозунги, сами и отдавали жизнь за них.

Требовательный и к самому себе, и к товарищам, Майоров не искал легкого успеха. И тут никак нельзя не вспомнить о наших иваново-вознесенских традициях. О М. В. Фрунзе, Дм. Фурманове. С пятого и по десятый класс Майоров сидел в паре со своим неразлучным другом К. Титовым за партией Мити Фурманова. До революции в здании нашей школы функционировало торговое училище, которое и закончил Митяй, будущий комиссар легендарной Чапаевской дивизии, автор первого советского военного романа.

Кстати, о публикации стихов.

Помнится, году в тридцать восьмом в наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолет. Весь личный состав погиб.

На зеленом Успенском кладбище на другой же день состоялись похороны. В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской жизни братской могилы летчики возложили срезанные ударом о землю винты самолета.

А вечером Коля читал стихи, которые заканчивались строфой:

О, если б все с такою жаждой жили,
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память ими взятой высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы...

Событие это потрясло всех. Но стихами обернулось только у Майорова. Совершенно не защищенный против человеческого горя, Майоров превыше всего ставил в человеке мужество. Тема верности долгу, бесстрашия и гуманизма оставалась для него главной до смертного часа на смоленской земле...

На традиционные встречи с бывшими воспитанниками школы, которая сменила свой 33-й номер на теперешний 26-й, в дни зимних и летних каникул Майоров приезжал буквально набитый стихами. С 1939 года Николай параллельно с историческим факультетом МГУ посещал семинарские занятия в Литературном институте. У него были две зачетные книжки. И тут и там он шел отлично.

С любовью и не без юмора рассказывал Коля о студенческой жизни, семинарских занятиях, литературных сшибках.

Особенно плодотворными были для Майорова тридцать девятый и сороковой годы. Он работает над поэмами «Ваятель» и «Семья», пишет множество стихов. Нет, поэмы завершены не были. Они еще только выстраивались. Были отдельные куски и главки — крепкие, сочные. Коля читал их, перекидывая от одного к другому прозаические мостики, поясняя, как все это потом свяжется, проверяя на слух самого себя. Примерно так работал после войны над своими поэмами Егор Исаев, прижимая в угол и темпераментно зачитывая очередной главкой чуть не до обалдения своих слушателей.

Главы были! Но они утрачены вместе с тем чемоданом, который Коля занес на квартиру одного из московских своих друзей перед отправкой на спецзадание. Шла война. Квартиросъемщики сменяли один другого. И скорей всего из-за тесноты и скученности чемодан был просто выставлен на лестничную площадку, поскольку оказался бесхозным.

В записях, оставшихся у родителей, случайно сохранился один небольшой (подлинность его подтвердил и В. Болховитинов) отрывок из поэмы «Семья», поэмы о годах коллективизации: кулак Емельян — один из главных персонажей — бежит из деревни.

На третьей полке сны запрещены.
Худой, небритый, даже злой от хмеля,
Спал Емельян вблизи чужой жены
В сырую ночь под первое апреля.

Ему приснилась девка у столба,
В веснушках нос, густые бабьи косы.
Вагон дрожал, как старая изба,
Поставленная кем-то на колеса.

Ко времени работы над поэмой «Семья» относятся и другие фрагменты, которые сейчас включаются в книги Майорова как самостоятельные стихотворения: «Дед» («Он делал стулья и столы...») и «Что я видел в детстве» («Косых полатей смрад и вонь...»).

От поэмы «Ваятель» остался один отрывок, подлинность которого не подлежит сомнению, в сборниках Майорова он печатается как стихотворение под названием «Творчество».

Есть основания полагать, что к заготовкам этой поэмы относится и приводимый ниже отрывок, который рукой Майорова помечен 38-м годом:

Никто не спросит, не скостит,
Не упрекнет обидным словом,
Что стол мой пятнами изрыт,
Как щеки мальчика рябого.

Я спал на нем. Кому-то верил.
И писем ждал. Знать, потому,
Захлопнув поплотнее двери,
Я стал завидовать ему.

Живу с опаской. Снов не знаю.
Считаю даты. Жду весны.
А в окна, будто явь сквозная,
Летят, не задевая, сны.

Проходят дни, и всё короче,
Всё явственней и глуше мне
Поет мой стол, и чертят ночи
Рисунок странный на стекле.

И в тонких линиях ваянья,
Что ночь выводит по стеклу,
Так много слез и обаянья,
Пристрастья вечного к теплу, —

Что я теряюсь и немею.
Я нем почти. Почти в снегу.
Сказать хочу — и не умею,
Хочу запеть — и не могу.

Ко времени работы над поэмами имеют прямое отношение и следующие стихотворные наброски, сохранившиеся в черновых записях: «Как жил, кого любил, кому руки не подал...», «Мне б только жить и видеть росчерк грубый...», «Я знал тебя, должно быть, не затем...».

И вот грянула Великая Отечественная. Почерневший и посуровевший, с обострившимися скулами появился Коля Майоров в Иванове летом 41-го. Вместе с другими студентами он возвратился со спецзадания — возводил оборонительные укрепления где-то под Ельней. Копал противотанковые рвы. На этот раз недолго ему довелось пробыть дома. Из Москвы телеграммой извещали, что на его имя пришла повестка из военкомата. Просьба Николая об отправке его на фронт была удовлетворена. Перед отъездом в Иваново он заскочил-таки в Москве к райвоенкому, оставил письменное заявление. Поэтому и телеграмму он встретил как должное, по-солдатски.

Я пришел проводить его.

А из сундука за вещь вещь уже извлекались армейские сапоги, гимнастерка, темно-синие галифе. Меня поразило это, и я соответственно отреагировал на эту магию. Не очень-то ловко по тому времени брякнул что-то о крестьянской запасливости.

— Ничего удивительного! Сейчас и портянки найдем и портупею, — подмигнул Коля. А за переборкой плакала мать. — Да ты не

думай, что вперед глядел! Это все Алексеево, ты ж знаешь. А размер подходящий...

Старший брат Николая, Алексей, кадровый военный, летчик-истребитель, успевший уже повоевать на Халхин-Голе, с первого дня Отечественной был вновь в деле.

Наконец все было найдено и надето. Я помог Николаю застегнуть портупею. С гражданской жизнью было покончено.

Я получил от него с марша одну-единственную открытку: наспех, карандашом он сообщал, *что и как*. Обещал писать и дальше.

Только вернувшись с войны, в 1945 году, вновь и вновь перечитывая похоронку на Николая, я осознал, что больше никогда его не увижу. Но и теперь, за огромной дальностью времени, с гибелью этой не могу примириться.

У Майорова много стихов, в которых он говорит о себе в прошедшем времени, стихов пророческих, еще до войны предсказавших судьбу поколения. Меня потрясают его «Мы», «Я не знаю, у какой заставы...» и другие стихи предощущением неизбежности собственной гибели. Историк по образованию, человек, чутко державший руку на пульсе жизни, Майоров предчувствовал приближение войны.

Еще в сороковом году он писал:

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись запоздалой славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать...

* * *

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог,
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли...
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долубив,
Не докурив последней папиросы...

А вот последние строки 1941 года:

О нашем времени расскажут,
Когда пройдет, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой!
Возьми шинель —

 покроешь плечи,
Когда мороз неугоду.
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Такие стихи не умрут! А значит, жив будет и Николай Майоров.

Н. БАННИКОВ

ПАМЯТИ ОТВАЖНОГО ДРУГА

Каждый раз пишешь и думаешь о Николае Майорове с глубокой болью. Тягостно ощущаешь эту утрату для нашей поэзии, для литературы, и слишком горько отзываются в душе встающие воспоминания.

Листаешь давно знакомые его стихи и вновь убеждаешься: во многом он шел впереди своих литературных сверстников. Дарованию Николая Майорова были доступны в первые же начальные годы его работы такие рубежи, какими его погодки в поэзии овладели уже потом, в более позднюю пору. И, будто слитки серебра, вот уже не одно десятилетие мерцают и живут в моем сознании метафоры, строфы и целые стихотворения этого лишь начинавшего свой путь, почти не печатавшегося тогда поэта.

Стихи Майорова — не просто вешняя завязь, не только блестящие и задатки пробуждавшегося таланта. В них отчетливо проступает характер, обрисовывается всеми своими гранями личность, индивидуальность, в них чувствуешь определенную художественную природу. Неукротимый лирический напор, буйный ливень образов и ассоциаций, косматый, порой до хаотичности разбросанный их поток — и тут же изумительно отлитая, свежая, достойная пера первоклассного опытного поэта, емкая, пружинистая формула. Она сверкает, как сталь ножа, и бьет неотразимо. В стихах Майорова всегда горячая, от сердца идущая мысль, нашедшая энергичное движение, и особая палитра — та размашистая, густая и плотная живопись, которую называют в изобразительном искусстве пастозной.

...Он говорил, чуть окая, глуховато, неторопливо. Откидывал со лба русые прямые волосы, мягко и вдумчиво взглядывая на собеседника серыми небольшими глазами. Ничего броского, ничего необыкновенного во внешности. Крепкий, довольно высокий паренек с угловатыми плечами, удивительно скромный, но и с твердым чувством внутреннего достоинства, по-своему очень серьезный, верный на слово товарищ. Был необычайно работоспособен; постоянно размышляя о стихах, своих и чужих, успевал отлично учиться, не один год совмещая учебу на историческом факультете МГУ с занятиями в Литературном институте. Эта его деловитость и собранность была тоже очень органичной, внутренней, в ней не было ни малейшего привкуса суетливости или нахрапа. Никогда не высказывал вперед, не захватывал инициативы, не старался блеснуть попусту. А между тем напечатанные им в университетской многотиражке стихи завораживали своеобразной, четкой и живописной образностью, оригинальным тембром. В них проглядывала настоящая зрелость.

Осенью 1937 года впервые подошел я к Николаю Майорову и познакомился с ним. Был я на курс старше Николая, никаких обычных для студентов дел у меня к нему не было — я смотрел на него как на поэта. Скоро мы знали друг друга близко, нас связывало многое....

Остановит, бывало, поздним вечером в коридоре студенческого общежития на Стромынке, возьмет под руку: «Послушай, как у меня получилось» — и с напором, с упругим взмахом сжатого кулака читает напряженную, круто замешенную, сочащуюся красками строфу.

Ночью, у обледеневшего темного окна, за которым скрежетали, затихая, самые поздние вагоны трамвайного парка, читал он поразившее меня стихотворение о селе Михайловском: там были тлеющие угли камина, там ставилось «слово на ребро», и Пушкин негрятянскими губами трепал гусиное перо. Я и сегодня, сию минуту, явственно слышу майоровский голос. Любил Николай читать перед товарищами своего «Гоголя»: видимо, в нем было что-то дорогое автору. В этом дважды появляющемся в стихотворении чудесном блюде с водой, в табурете, в набухшем клине тьмы говорило пристрастие Майорова к земной вещности образа. Если бы поэт, когда-то вернувшись к стихам о Гоголе, чуть проявил их логическую почву, то мотив трех противоборствующих и сплетающихся стихий — дневного света, темени и вспышек горячего очага — обрел бы замечательную глубину.

Как-то осенью, после каникул, привез он из Иванова в Москву свой «Август» с «бабочкой на раме», с чисто языческим ощущением земной влаги и трав... На моих глазах рождались стихотворения «Волк», «В солдатчине», «Баллада о Чкалове». Когда пришла весть

о гибели богатыря-авиатора, стояли трескучие морозы. Мы, студенты на Стромынке, были опечалены. Ощущение страшной, гнетущей стужи сливалось в те дни с ощущением народной беды. Возможно, Николай даже видел Чкалова, как однажды в клубе Московского университета на улице Герцена видел его я. Не раз он принимался за стихи о летчиках: ведь в военной авиации служил его старший брат, а однажды на окраине Иванова разбился самолет, и Николай, по свидетельству Владимира Жукова, был на похоронах, смотрел, как летчики возлагали на могилу погибших товарищей искореженные ударом о землю винты самолета. Помню Майорова, читавшего стихи о детстве, где перемешаны, соединены — с сильным стремлением типизировать — его сельские и городские впечатления, крестьянский обиход был привычен Майорову, ибо самая ранняя пора его жизни прошла в деревне. Осталась в памяти майоровская строфа, примыкавшая к этим стихотворениям, так ни в каких записях и не найденная:

Сваты топали ногами,
Ела теща пироги.
У невесты под глазами
Стыли синие круги.

Будто некое чудо, выслушивал я стихотворение «Изба». Шесть первых его строф ошеломляют меня и ныне: такая в них художественная отвага, самостоятельность, такой вьюжный северный ветер.

А вот перед глазами майоровские опыты совсем другого характера, другого тембра. Это «Стихи про стекольщика», «Как воруют небо», «Париж весной 1940 года». Как тревожили московского студента, казалось бы, еще столь далекие в те месяцы от нас события европейской войны, и какие он сработал крепкие — в пору зрелому писателю — вещи. В рассказе Майорова о любителе-астрономе, который «занимается небом», роясь «в еще не остывших звездах», проявились и сильное воображение и задатки поэзии эпического склада. Николай уже трудился над поэмой о ваятеле (толчком к работе послужило знакомство со скульптором Цаплиным), раздумывал о стихотворной повести из сельского быта — сохранившийся отрывок «На третьей полке сны запрещены», где вагон сравнивается с поставленной на колеса избой, идет именно от этого замысла.

Майоров упорно учился поэзии. На столе студенческой комнатки (студенты-историки, жившие с ним вместе, койка к койке, любили его и как-то очень деликатно, я бы сказал, скрытно гордились им) рядом с латинской грамматикой лежали изданные в 30-х годах однотомники стихов Тихонова, Прокофьева, Пастернака, Антокольского. Бывали у него, как у всякого юноши, свои внезапно возбуждавшие дух литературные открытия. Вспоминаю наши прошитые цитатами разговоры о Державине. Помню, например, как

горячо внушал он мне, насколько ярка, хороша сатирическая проза Крылова, в ту пору для меня неведомая: брал в руки книгу и читал вслух страницы крыловских повестей...

В университетском литературном кружке, где с нами работали Евг. Долматовский и Д. Данин, Николая кое-кто упрекал: мало, мол, в твоих стихах воздуха, мешает им некая тяжесть громоздкой золоченой рамы. Знатоки вспоминали при этом Павла Васильева.

Прошло огромное время, и теперь ясно видно: «воздух» в стихах Майорова есть — это грозовой, все сгущавшийся воздух предвоенных лет, уловленный и запечатленный рукою юного мастера. А образный строй стихов Майорова, майоровские краски не теряются и не тускнеют, даже когда окидываешь взглядом всю богатейшую советскую поэзию.

В стихах Майорова очень часто встречаешься с травами и деревьями, с ливнями, которые «ходят напролом, не разбирая, где канавы»; там «по крышам ползут лавинами дожди»; почвенная живительная влага у него «с запахами вин». Это голос Верхнего Поволжья, голос ивановской земли, где поэт вырос. А постоянная нота «кочевья», вагонов, вокзальных расставаний — как бы мост, соединявший ивановского юношу со столицей, с университетом. Весной, сдав экзамены, мы, студенты-провинциалы, поспешно разъезжались до осени по своим городам и весям. Только уж, наверное, в октябре, сбившись в стайку вокруг Даниила Данина в боковой камерке университетского клуба, читали сочиненное за лето. «Мне бы твою Сибирь!» — говаривал Николай; мое сибирское стихотворение «Собаки» нравилось ему, он любил его слушать.

Всматриваюсь в его строки: «Мне только б жить и видеть рощерк грубый твоих бровей» — и угадываю, кому они предназначены; вспоминаю, с какой сдержанно-достойной манерой, отдающей стариной и словно бы воспринятой у северных сельских общинников, здоровался он с малознакомыми людьми; вижу его папиросу и неизменно длинное кашне, какие носили в те годы (в стихах говорится: «в кашне измятом, заткнутом за пояс»). Всплывают в памяти хрусткие апрельские сумерки — мы идем близ ломоносовского памятника (тогда вместо фигуры перед университетом стоял высокий бюст), и он читает: «Когда умру, ты отошли письмо моей последней тетке». В те дни эти строки могли быть восприняты за игру воображения. Но они оказались — и очень скоро! — пророческими.

Хорошо помню нашу последнюю встречу в глухом осеннем городке, во глубине России. Николай уже был солдатом, шинель ему выдали не по росту короткую. Он передвигался тогда в какую-то воинскую часть, по назначению. Был молчалив, задумчив, новых стихов не читал — не до стихов было в эти трагические недели. А рядом с Колей шагал, тоже в солдатской шинели, длинный, су-

тулый, неуклюжий, в толстых роговых очках его товарищ и однокурсник, добрый-предобрый Арчил Джапаридзе...

«Есть в голосе моем звучание металла», — писал Николай Майоров в стихотворении «Мы», которое торжественно произнесено им словно бы от имени всего своего необычайно чистого и горячего поколения, так рано шагнувшего в огонь войны. Сын рабочего, скромный, внешне неприметный, но, по его же словам, «удивительно прямой» духом, Майоров нес в себе глубочайшее чувство патриота. Доброволец 1941 года, он стал пулеметчиком, политруком. В феврале 1942 года он пал смертью храбрых в тяжелых боях на Смоленщине. Было ему тогда двадцать три года. Он еще не закончил к тому времени ни университета, ни Литературного института. Место гибели его в точности не установлено. «Я не знаю, у какой заставы вдруг умолкну в завтрашнем бою», — сказано в его стихах.

Николай не успел опубликовать в большой печати ни одного своего стихотворения. Подготовленный в начале 1941 года сборник стихов, где наряду с Майоровым выступали и его товарищи-литкружковцы, в свет не вышел. Пробиваться начинающим на страницы журналов в ту пору было куда труднее, чем ныне.

Теперь Николай Майоров, замечательный поэт и воин, отдавший свою жизнь за Родину, запечатлен в сознании многих и многих читателей. Первая книга стихотворений Майорова, бережно собранных его друзьями, появилась в 1962 году в издательстве «Молодая гвардия». Она была удостоена премии Ивановского областного комитета комсомола. Там же, в Иванове, именем Николая Майорова названа улица, его имя присвоено пионерской дружине в школе, где учился поэт. Стихи Николая Майорова по праву заняли свое место в различных антологиях и поэтических сборниках.

Есть во всем этом что-то поистине горделивое: не пропадет майоровский стих, не скроет облик Майорова летящее время!

